

Жил в одной деревне парень. Жил он вместе с матерью, старухой вдовой, а звали его Питер. Был он малый добрый, статный, сильный, но слишком уж простоватый. Материнских кур и то едва умел пересчитать, а их и всего-то было два десятка. Если он что-нибудь покупал, хоть на три пенса, то никак не мог сообразить, сколько ему полагается сдачи с шиллинга. А когда ходил на базар, ни разу не обошлось без того, чтобы его не надули. Нельзя сказать, что он был лентяй, просто бедняге Питеру ума не хватало.

— Эх, мама,- говаривал Питер,- будь я хоть чуточку поумней, я бы не был для тебя такой обузой!

— Да, Питер, — отвечала мать со вздохом, — что и говорить, умом тебя бог обидел, но малый ты хороший, да и силенок у тебя на двоих хватит, так что не печалься. Лучше сбегай наверх и принеси мне три пуговицы — надо мне их к твоей куртке пришить. Да запомни хорошенько — три принеси. Не две и не четыре, а три!

Но все равно Питер мучился, что он такой глупый, и то и дело приставал к матери, сетуя на свою глупость, пока, наконец, мать не сказала ему:

— Ну, если тебе так уж хочется поумнеть, ступай к мудрой старухе вещунье, что живет на холме. У нее, говорят, ума палата и всякие волшебные книги есть, и порошки, и снадобья. Может, она и тебе ума прибавит.

Вот Питер кончил свою работу и тронулся в путь. Взобрался на вершину холма и увидел хижину вещуньи. Из трубы валил дым, а на пороге спал черный кот.

“Хорошая примета”, — подумал Питер и постучал в дверь.

Никто не ответил. Тогда он осторожно приподнял щеколду и заглянул в комнату. Спиной к нему у огня сидела старуха и что-то помешивала в черном чугушке. Она не обернулась и ни слова не вымолвила, но Питер все-таки вошел и сказал:

— Добрый день, бабушка! Хороша погодка нынче, а?

Старуха не ответила; только все что-то помешивала в чугушке.

— Завтра, может, дождичек пойдет, — продолжал Питер.

Старуха опять ничего не ответила.

— А может, не пойдет,-добавил он, не зная что еще сказать.

Но старуха, ни слова не говоря, все мешала и мешала в чугушке.

— Ну, насчет погоды я все сказал, — проговорил Питер. — Теперь можно и о деле. Я, видите ли, малость простоват, вот и пришел к вам. Может, вы мне чуточку прибавите ума, потому что...

— Ума? — переспросила старуха. Она отложила ложку и в первый раз взглянула на Питера. — Что ж, изволь! Только вот какой ум тебе надобен? Если королевский ум, или солдатский, или учительский, тут я помочь не могу. Ну, говори, какой тебе ум нужен?

— Обыкновенный, — ответил Питер. — Не маленький, не большой, а как у всех соседей.

— Хорошо, — сказала вещунья. — Будет у тебя такой ум, только сначала принеси мне сердце того, кого ты любишь больше всего на свете. Понял? А когда принесешь, я загадаю тебе загадку, чтоб узнать, то ли ты принес, что я велела. Ну, теперь ступай!

И, не дожидаясь ответа, она сняла с огня чугунок и унесла его в каморку за кухней, так что Питеру только и оставалось, что уйти.

Стал он спускаться с холма и все думал да раздумывал о словах мудрой вещуньи.

“Сердце того, кого я люблю больше всех на свете... — повторял он про себя. — Об чем это она?”

Не часто приходилось Питеру так ломать себе голову.

Вот вернулся он домой и повторил матери слова старухи. Мать подумала-подумала и говорит:

— По-моему, ты больше всего на свете любишь жирную ветчину. Давай нарежем старую свинью, а сердце ее ты отнесешь вещунье.

Зарезали старую свинью, вынули у нее сердце, и на другой вечер Питер понес его в хижину на холме.

Вещунья сидела в кресле у огня и читала огромную книгу. Она не подняла головы, а Питер положил свиное сердце на стол и сказал:

— Вот, я принес сердце того, кого люблю больше всего на свете. Годится?

Старуха оторвалась от книги.

— Без ног, а бежит — что такое? — спросила она, —

Ну-ка ответь!

— Без ног, а бежит? — переспросил Питер, почесал затылок и стал думать.

Думал-думал, даже голова заболела. А старуха опять принялась за книгу. Наконец Питер вымолвил:

— Вот что я скажу. Не знаю я, и все тут!

— Ну, выходит, ты принес не то, что я велела, — сказала старуха. — Забирай, что принес, и уходи.

Бедный Питер взял свиное сердце и повернул домой.

Вот подошел он к своему домику, видит — у дверей толпа собралась, женщины плачут. Питеру сказали, что мать его занемогла и сейчас лежит при смерти. Он вошел в дом и закрыл за собой дверь.

Старуха уже совсем ослабела, и Питер понял, что теперь ей ничем не поможешь. Стал на колени у кровати и взял руку матери.

— Простись со мной, сыночек, — зашептала мать. — Скоро я тебя покину. Но ты ведь уже побывал у

вещуњи и, должно быть, поумнел немножко, так что теперь сможешь сам о себе заботиться.

У Питера не хватило духу сказать матери, что ничуть он не поумнел — даже загадку вещуњи разгадать не смог. Он только поцеловал мать и сказал ей:

— Все равно, мама, я буду горько тосковать по тебе.

Прощай, мама, милая! Прощай.

— Прощай, сынок, — сказала старуха. Улыбнулась Питеру, закрыла глаза и умерла.

Долго стоял Питер на коленях у ее постели и все плакал и плакал, никак успокоиться не мог. И тут он вспомнил, как мать о нем заботилась, как ухаживала за ним, когда он был маленьким, как лечила его ссадины и ушибы, как чинила ему одежду, кормила его и разговаривала с ним по вечерам.

“Как же мне теперь жить без нее? — думал он. — Ведь я любил ее больше всего на свете”.

И тут он вспомнил слова вещуњи. “Принеси мне — сказала она, — сердце того, кого ты любишь больше всего на свете”.

— Нет, ни за что, ни за какой ум! — воскликнул Питер.

Но на другое утро он сообразил, что можно и не вынимать сердце у матери, а просто отнести ее на холм к вещунье. Ведь как раз теперь ему особенно недоставало умной головы на плечах.

И вот положил Питер свою мать в мешок и отнес ее на холм. Не тяжелая оказалась ноша — покойница была маленькая, щупленькая, а у Питера силы хватало на двоих. Внес он мать в хижину к вещунье и сказал:

— Ну, теперь я вам принес то, что мне дороже всего на свете. Вот моя покойная родная мать. Так что прибавьте мне ума, как обещали.

— А ты вот что скажи мне, — промолвила мудрая вещунья. — Что такое — желтое, сияет, а не золотое?

— Желтое, сияет, а не золотое?.. — повторил Питер опешив. — Это... это...

Но, хоть убей, не мог придумать ответа и, наконец, сказал:

— Не знаю.

— Ну так и нынче не поумнеешь! Да ты, я вижу, и впрямь простачок. Должно быть, так никогда и не наберешься ума.

Питер взвалил на спину мешок с матерью и вышел. Но домой ему возвращаться не хотелось — очень уж тяжело было у него на душе. Сел он у дороги и горько заплакал.

Вдруг кто-то окликнул его нежным голосом. Он посмотрел, видит — стоит хорошенькая девушка и с ласковой улыбкой глядит на него.

— Что с тобой? — спросила она. — Такой здоровый детина, а плачешь!

— Я простачок,-ответил Питер,-ума в голове не хватает. А тут еще горе навалилось — мать моя умерла, оставила меня одного-одинешенька. Как же мне теперь жить-то — ума не приложу! Кто будет меня кормить, и одежду мне шить, и на базар ходить? А горше всего, что некому теперь поговорить со мной да утешить меня в беде.

— Я тебе помогу,- сказала Дженни — так звали девушку. — За таким простачком, как ты, присматривать нужно. Хочешь, я пойду с тобой и буду о тебе заботиться?

— Ну что ж, пожалуй, если тебе так хочется, — ответил Питер. — Только ты сама скоро увидишь, что я дуралей, каких мало, да таким и останусь, если не удастся как-нибудь ума себе нажать.

— Это ничего! — сказала Дженни. — Как говорится: чем глупее жених, тем покладистой муженек. Хочешь взять меня в жены?

— А стряпать ты умеешь? — спросил Питер.

— Конечно! — ответила Дженни.

— А шить и штопать?

— Ну еще бы!

— А считать яйца? А складывать фунты, шиллинги и пенсы?

— Умею, все умею!

— Что ж, если ты согласна выйти за меня, — сказал Питер, — я на тебе женюсь.

И они пошли в деревню вместе.

Вот схоронили мать Питера; поплакала по ней деревня, а потом Питер и Дженни обвенчались и зажили вместе в его домике.

Как ни прост был Питер, а вскоре уразумел, что жена ему досталась на славу. Она стряпала и шила, чинила и мыла, да все так весело и охотно, а главное — умела позабавить Питера и шуткой и лаской.

Правда, и Питер оказался неплохим мужем. Он тоже работал весело и хорошо. Лишь бы думать не приходилось, а то все ему было нипочем — и тяжелые ноши и длинные дороги. Короче говоря, молодые чувствовали себя самыми счастливыми и довольными во всей деревне.

— Знаешь что, Дженни! — сказал как-то вечером Питер. — Я понял, что тебя я люблю больше всего на свете. И тут его словно осенило.

— Слушай, — продолжал он, — неужто вещунья хотела, чтобы я тебя убил и твое сердце ей принес? Как ты думаешь, Дженни, неужто она это самое и думала?

— Вряд ли, — ответила ему жена. — Конечно, нет! Да она и не говорила, чтобы ты кого-нибудь убивал... А что если тебе отвести меня к ней живую, как я есть, с сердцем и всем прочим?

— Здорово придумала! — обрадовался Питер. — И как это я сам не сообразил? Ладно, пойдем вместе. Но, постой, сначала посмотрим, умеешь ты разгадывать загадки или нет. Ну-ка скажи, что такое — без ног, а бежит?

— Река, — ответила Дженни. — Нетрудно догадаться!

— Река? — повторил простачок. — Так оно и есть! И как это я сам не догадался? Ну, теперь вот что ты скажи: что такое — желтое, сияет, а не золотое?

— Солнце! — ответила Дженни, недолго думая. — Да я и пятилетней девчонкой разгадала бы эту загадку!

— Солнце? — переспросил Питер удивленно. — А ведь правда — и сияет, и желтое, но не золотое. Что за голова у тебя, Дженни! Во всей Англии не найдется жены умнее тебя. Идем скорей, может, старуха немножко прибавит мне ума, чтобы я твоим ровней стал.

И вот поднялись они вместе на холм и застали вещунью дома.

— Бабушка, — сказал Питер, — наконец-то я привел вам ту, кого люблю больше всего на свете. Вот

она сама, и сердце ее, и все прочее. И уж если вы и теперь мне ума не прибавите, значит вы не мудрая вещунья, а просто плутовка и обманщица!

— Садитесь оба! — приказала старуха. —

Молодые сели, а вещунья повернулась к Питеру и сказала:

— Слушай мою загадку и попробуй ее разгадать. Кто родился без ног, отрастил две, а потом четыре?

Бедняга Питер думал-думал, ничего не придумал. Тут Дженни шепнула ему на ухо:

— Головастик! Ответь — головастик.

— Головастик! — выпалил Питер.

— Верно, — сказала старуха. — Ну, я вижу, что теперь ума у тебя хватает, и ум тот весь у твоей жены в голове. Когда жена умная, мужу много ума не надобно. Иди себе с богом и больше ко мне не приставай.

Питер и Дженни встали, поблагодарили старуху и отправились восвояси.

Когда они спускались с холма, Дженни тихонько напевала, а Питер молчал и только затылок почесывал.

— О чем ты думаешь? — ласково спросила Дженни.

Питер перестал скрести затылок, но ничего не ответил. Наконец повернулся к жене и сказал:

— Думаю я о том, как я горжусь, что у меня такая на редкость умная женушка. Ведь ты сумела ответить вещунье как надо. А я все-таки никак не могу понять, почему тот, кто родился без ног, потом отрастил две, потом четыре, называется головастиком? Все думаю да гадаю, а понять никак не могу. Не могу, и все тут!